

> НАХОДКА

Клад с улицы «Правды»

ВСЕ МЫ с детства слышали, что Магнитка основана в голой безлюдной степи. Попробуем опровергнуть расхожее мнение.

В конце осени 1968 года торопливо на работу. С улицы «Правды» по улице Дружбы спешу к детсадку № 139. Дорогу преграждает земляной вал высотой метра два и шириной метров шесть. Экскаваторщик, не видя меня, продолжает рыть землю под фундаментом. С гребня вала в мою сторону сыплется очередная порция чистой земли. Почему говорю «чистой»? Хочу обратить внимание на то, что земля была без примеси строительного мусора, то есть из недр. Вдруг в шуме падающей массы слышу особый звук, и к моим ногам падает тяжелый колокол размером с коровье ботало. Я сначала подумала, что это ботало, но потом убедилась — колокол. Подняла: будет инструмент у нашего музыканта. Отдала его нашей преподавательнице музыки Римме Карповне. Про находку тут же забыла, но через пять минут коллега ворвалась ко мне, почти крича: «Ты посмотри, что ты нашла!» Она отмыла находку, и та заблестела желтым металлом...

Не знаю, какова дальнейшая судьба находки, а я для себя решила: не мое — и мне ее не надо. Теперь понимаю, что это мог быть золотой предмет. К тому же под ковшом экскаватора он мог быть не один: не мог же металл зазвенеть от удара о мягкую землю, возможно, стукнулся о другой металлический предмет, который так и остался лежать в земле.

...Я как-то при встрече спросила Римму Карповну о судьбе колокола. Она пожалала плечами...

ВАЛЕНТИНА СКРИПАЙ,
ветеран труда

> ДЕТИ ВОЙНЫ

Написать бы книгу

МОИХ ДЕДОВ загубили как кулаков, но все их потомки вышли в люди, получили образование. Кто врачом стал, кто директором — христианская вера спасла.

Мамины родители, как и отцовы, были середняки. Отец ее — краснодеревщик: из дерева мог настоящее кружево вырезать. Летом дома работал, зимой на тройке ездил с берега Вятки в Москву и Питер. Держал на подворье две коровы, нетелей, бычков, овец, тройку ездовых коней, птицу — даже лебеди были. А еще — поля ржи, ячменя, льна, конопли. Было у краснодеревщика одиннадцать девок, двенадцать — сын. Держал всегда трех работников, чтобы присмотреться, что за люди: если годились дочкам в женихи — одну за другой выдавал замуж. Присматривался даже как едят парни: по сторонам глядят или едят, как поработали — жадно. И всех дочек с мужьями оставлял при доме и хозяйстве — никого в чужую деревню не отдал.

Моего деда по отцу расстреляли как богатея, хотя семья жила средне. Жена, понимая, что семье грозит годовая смерть, ушла, чтобы не видеть гибели детей. По дороге умерла сама. Осталось трое панянат: мой отец Сашка еще мальчишкой был, а братья — мой дядя, Михаил и Петр Караченцовы — постарше. Моего отца забрали в детдом, а Мишу взял в работники поп, потом обвенчал его с дочкой, чтобы было кому передать иконы и церковные драгоценности для России. У поповны с дядей Мишей было пятеро мальчишек, но она потом уехала в Киев и стала послушницей, так что дядя Миша был им за мать и за отца.

Мой отец убежал из детдомов, потому что там было голодно: дети пухли от недоедания. Чтобы прокормиться, не воруя, пел и плясал в вагонах, играл на всех инструментах, какие только в ту пору водились, а воровать не воровал: наоборот, воров и мародеров бил. В 29-м мой отец встретил мою мать — красавица была, и увез ее строить Джеккаган. Они оба 1910 года рождения, с 1929-го добровольно вступили в комсомол — как раз когда Сталин приказал строить железную дорогу в Магнитогорск, работал там всю оставшуюся жизнь...

А в сорок третьем в Джеккагане была заводская из-за издевательств начальства над людьми. Отца чуть не зарубил начальник. Могли и расстрелять, но отправили на фронт. Отец воевал на передовой, был в разведке, дошел до Берлина. В сорок седьмом вернулся на железную дорогу в Магнитогорск, работал там всю оставшуюся жизнь...

Эх, порассказать все о том поколении — бумаги не хватит. Но я все же хочу написать о семье книгу. Это только фрагменты повествования о моих предках.

ЗИНАИДА ЯКОВЛЕВА

Ждать и помнить

> В наши дни потомки бывших врагов породнились

ВСЕ НАЧАЛОСЬ в далеком 1941-м. Шла Великая Отечественная, практически из каждой семьи уходили на фронт мужчины-кормильцы. Пришел срок, и 12 декабря 1941-го из магнитогорской семьи Дашкиных призвали на фронт ее главу — Мирсаида Кагармановича. На выцветшей фотографии в день отправки, где вся семья последний раз в полном составе, — убитые горем, потемневшие лица взрослых и детей.

Моя бабушка Магира, оставшись одна в 33 года с детьми трех, пяти, десяти и двенадцати лет и старенькой бабушкой, не потерялась, а много-много трудилась во главе своей босоногой «бригады». Всех четверых выходила, воспитала. Жизнь моего деда обрвалась в 40 лет, когда моей маме Рамзие — Римме, так на русский манер пришлось звать детей из семьи, как тогда называли, нацменов — национальных меньшинств, было три года. Горько и молчаливо переживала она с тех пор, то что обойдена была отеческим теплом и заботой.

Еще она помнит 9 мая 1945 года... Как рыдала Большая Мама, моя бабушка, а за ней все дети, независимо от возраста: дождались всем миром счастливой Победы, а жить им теперь одним, без отца. Были им с фронта о кормильце вести: и похоронка, и что «без вести», и в плену. Так они росли, но втайне друг от друга каждый надеялся: а вдруг папа вернется? О страшном приказе от 27 августа 1947 года знали все: сдавшийся в плен — враг народа.

Когда не стало бабушки, моя мама возобновила поиски отца. И через Международное общество Красного Креста и Красного Полумесяца в апреле 1985 года получила известие, что Дашкин Мирсаид Кагарманович был узником шлагала VI-D и умер 7 сентября 1942 года; место захоронения — на центральном кладбище города Дортмунд (ФРГ).

Мой дед Мирсаид родился в башкирском городке Стерлитамаке в 1902 году в семье служащего, с 13-ти лет начал работать в магазинах купца Усманова. Во время Гражданской войны в 16 лет ушел добровольцем в Красную Армию и три года воевал на польском и украинском фронтах. По воспоминаниям родственников, папа был в некотором роде уникальным человеком: он одинаково хорошо владел и правой, и левой руками, и в бою рубил одновременно двумя саблями. За воинскую доблесть командующим составом Красной Армии он был награжден именным оружием — боевой саблей.

После возвращения вернулся на родину, в Башкирию, где жил в семье старшей сестры — жены купца Абдрашитова в селе Мраково. Работал в кооперации, обихаживал небольшой табун лошадей у родственников: кормил, объезжал, оказывал ветеринарную помощь. По строгому указанию главы большой семьи — Абдрашитова, в соответствии с традициями, дед остановил свой выбор на 16-летней красавице Магире, которая и стала его женой. При угрозе раскулачивания крепкого хозяйства Абдрашитовых всем пришлось быстро, за одну ночь, собраться и покинуть родные места, растворившись в необъятных просторах страны в 1929 году. Дед с Большой Мамой приехали на Магнитку. Дед работал экспедитором от села

Темясово, бабушка тоже работала и воспитывала нас.

У всех, знавших Мирсаида, осталась о нем добрая память. Был добр к людям, прекрасный семьянин, всегда подтянут, даже франтоват. Он был, кстати, достаточно образованным для того времени человеком, очень любил играть на тальянке с колокольчиками и петь протяжные татарские песни. В семье были настоящие игры, книги, коньки и даже редкий тогда велосипед. В самом начале войны деда дважды отправляли в Оренбургскую область, которая славилась породистыми лошадьми, для отбора коней в кавалерийские части Красной Армии.

После отъезда от него с дороги пришли две почтовые карточки. В начале 1942 года пришло первое письмо из Камышлова, где формировался 344 отдельный пулеметный батальон, о том, что они очень голодают. Большая Мама, деревенская, ни разу не ездившая на поезде, собрала какие могла продукты и с двумя чемоданами, то в тамбурах, то на крышах вагонов, добралась до Камышлова — всего за два часа до отправления воинского эшелона на фронт... Об этих минутах последнего в их жизни свидания дед спустя написал в первой карточке... И мама хранит ее в семейном альбоме

памяти. Второй была весточка о боях за Крым.

Как стало известно намного позднее, в одном из боев за Керчь их минометный расчет попал в окружение. Многие погибли, а дед был контужен и оказался в плену — сначала в Румынии, позднее в Германии. Это был последний год жизни бывшего красноармейца-кавалериста, минометчика Отечественной войны Мирсаида Дашкина...

Спустя годы мама начала поиски следов отца. Обращалась в различные, в том числе и ветеранские организации. Была в музее на Поклонной горе для внесения имени своего отца в электронную Книгу памяти. Мой брат, с разрешения нашего папы, принял фамилию деда. Так мы все старались сохранить память об отце, деде, прадеде.

И вот свершилось: поклоналась она наконец земле, где обрел вечный покой ее отец — Дашкин Мирсаид Кагарманович. Два дня, 22 и 23 июня, мы с ней бродили по Центральному кладбищу германского города Дортмунд. Это огромный парковый комплекс с прекрасными аллеями, уютнейшими уголками, скульптурными группами, массой цветников, клумб и розариев, памятными надгробиями...

В год 60-летия Победы и 30-летия со

дня кончины бабушки маме представилась возможность в составе делегации областной организации «Память сердца» склонить голову над местом вечного покоя ее отца в Дортмунде, расписать землю с могилы Большой Мамы, символически объединив землей, российской и германской, их судьбы.

По национальности наша семья татарская. У моей мамы есть старший брат Амир, в юности друзья называли его Николаем. Вот он и оказался в водовороте непредвиденных событий. Амир-Николай окончил Магнитогорский горно-металлургический институт и уехал по распределению. Потом он женился на девушке Ирине, которая оказалась дочерью еврейского народа. Так волею судьбы семья оказалась интернациональной, что, конечно, не редкость в нашей стране. Работал он инженером на известном в стране оптико-механическом заводе в Питере. Потом у них родилась дочь, родители вырастили ее, дали высшее образование. Уже когда их дочь Лариса родила сына, у наших питерских родственников неожиданно появился шанс переехать в Германию. Собственно, приглашение на переезд в ФРГ получила тетя Ира, жена дяди. Так в 1996 году семья Амира — Николая Дашкина — перебралась в славный Гамбург и поселилась на его окраине, в чудесном зеленом районе. Довольно скоро Лариса вышла замуж за красивого, добродушного коренного немца по имени Йорг.

И, что интересно, у Йорга есть два брата, оба женаты, однако, как повелось в Германии за последние десятилетия, рожать детей их жены — коренные немки — не торопились. А потом, вероятно, стало поздно. Однако мать Йорга все же мечтала о внуках. И, судя по всему, не напрасно. Некоторое время спустя Йорг усыновил Андрея, но, что примечательно — коренные жители всегда обращались к нему только по-немецки. Они, вероятно, и предположить не могли, что этот мальчуган родом из России. С годами у Андрея появились двое братишек — Антон и Александр, а затем и сестренка Ксения. С бабушкой и дедом внуки общаются, пусть на слабом, но русском.

Так вот неординарно немецкая семья пополнилась потомками двух народов, противостоявших друг другу в прошедшей Великой Отечественной войне.

А в 2000 году Германию посетила моя дочь Арсана. Она окончила факультет лингвистики и перевода в нашем Магнитогорском государственном университете и решила усовершенствовать свое знание немецкого языка, закрепив его в стране среди коренных носителей. И, что удивительно, Арсана влюбилась в Германию, хотя с детства побывала в нескольких европейских странах: Италии, Франции, Испании, Чехии. Но ни одна из них не затронула ее сердце, как эта.

К 65-летию Великой Победы мама и мы с братом установили новый достойный черный мрамора памятник на могиле жены нашего деда — Дашкиной Магиры Шарифовны, маминной мамы и нашей бабушки.

На памятной плите написано:
Дашкины
Мирсаид Кагарманович
1902—1942
Магира Шарифовна 1908—1975,
а внизу курсивом — Я всю жизнь
ждала тебя с войны

ЛИЯ АХМЕТЗЯНОВА

Все выдержать и жить

> Записная книжка ветерана войны стала семейной реликвией

У МЕНЯ в руках старая потрепанная записная книжка нашего дедушки Василия Лукича Захарченко. Мы, внуки, не называли его дед, дедушка. Для нас он всегда был именно дедулечка.

Помню его добрые голубые, вовсе не старческие глаза, умный взгляд, всегда мудрые, дельные советы. Мы с братом росли рядом с ним и очень благодарны ему за это. Хотя его нет с нами уже девять лет, мы по-прежнему мысленно обращаемся к нему. Наш дедуля — ветеран Великой Отечественной войны, ветеран Магнитки, ветеран ОАО «ММК», ветеран преста «Теплофикация». Он награжден боевыми и трудовыми орденами и медалями. Отслужил действительно в рядах Красной Армии с 1937 по 1940 год, он вернулся в Магнитогорск. За три дня до начала войны родилась его дочь — моя мама. А через три месяца он ушел на фронт. Был направлен на курсы «Выстрел» в Солнечногорск, где готовили военных разведчиков. Дочь он увидел только после войны в 1946 году.

Первые записки в своей маленькой записной книжке он смог сделать только в 1943 году.

Вот лишь одна фраза, датированная декабрем 1943 года: «Сегодня два раза ходил в разведку». Вдумываюсь: «Два раза — в один день». Значит, идти под огнем, через линию фронта, быть в напряжении. Это риск, это смерть, наконец. Иди один раз и затем снова, преодолевая усталость и нервное напряжение. Слабым это не под силу, такое могут только люди с сильными характером и волей.

Перелистываю маленькие пожелтевшие странички. И передо мной встает человек на войне. И этот человек — наш дедуля. Узнаю, что воевал он сначала в составе первого, затем второго Украинского фронтов. Освобождал, как он говорил «рідну Україну». Переправлялся через Днепр, освобождал Киев, Житомир, Львов, за что ему, как участнику данных боевых операций, приказом Верховного Главнокомандующего объявлена благодарность от 6.11.1943 и 13.11.1943 г. Уже в мирное время в 1983 году он был приглашен на празднование 1500-летия Киева и от имени Президиума Верховного Совета СССР по решению исполнительного комитета Киевского городского совета народных депутатов награжден медалью «В память 1500-летия Киева».

Нахожу несколько записей о пересечении государственной границы:
«31.08.44 г. в 15.23. Пересекали границу с Польшей. Гоним немцев». «10.10.44 г. Переехали румынскую границу. Пока все спокойно». «2.04.45 г. Мы в Чехословакии, на подступах к Братиславе». «17.04.45 г. Мы в Австрии. Овладели центром нефтеносного района Австрии городом Цистерсдорф».

Но, как вспоминал дедуля, где бы ни находились, в какой бы стране ни были, мысли — только о доме, о Родине: «Только бы вернуться на Родину, хоть куда, хоть на северный полюс».

Вот записки, датированные 12 и 24.04.1944 г. Они самые объемные в сравнении с другими. «Нахожусь на высоте № 382, восточнее Золотинки. «Тигр» вышел с опушки реки. Рядом

горит Т-34. Снаряды рвутся близко. Выйти с НП невозможно». Тут же запись о награждении орденом Отечественной войны II степени, номер приказа и фраза: «Орден вручал генерал-майор Григорович в городе Тютюв, южнее Тарнополья». 7 октября 1944 г. дедуля награжден орденом Красной Звезды. Местечко Старое Село возле Равы-Русской (Львовская область). Необходимо было выяснить сосредоточение сил противника на данном участке фронта. Разведроту дедуля обнародовала замаскированные «тигры», и было принято решение взять «языка». Пленный оказался обладателем ценной информации, так как был офицером танковой дивизии СС «Адольф Гитлер» и был переправлен в штаб корпуса.

Вторым орденом — Отечественной войны I степени дедуля был удостоен за освобождение Братиславы. Сейчас это столица Словакии. В 1975 году он был приглашен на празднование 30-летия освобождения Чехословакии и всегда вспоминал, как в 1945 году встречали их там. Было такое ликование, восторг, восхищение, им бросали букеты цветов.

На войне случалось всякое, даже самое невероятное. Дедуля рассказывал, как ему довелось встретиться с братом на фронте. Был май 1944 года. Дедуля получил письмо от брата и понял, что он где-то близко. Брат Николай писал, что получил орден Красной Звезды. Дедуля решил: «Мы должны встретиться». И вот его запись от 20.05.1944 г.: «Наконец-то нашел Николая. Мои предположения сбывались. Радостная встреча с Николаем». Но встреча, такая невероятная и долгожданная, была омрачена тяжелым ранением Николая. Дедуля

удалось встретиться с ним, когда его после операции в полевом госпитале перевозили в госпиталь в польский город Жешув. Дедуля тогда сказал ему, что он должен все выдержать и жить: ведь он моложе на шесть лет и должен осуществить свою мечту — стать врачом. Так потом и случилось. Будучи инвалидом войны брат окончил медицинский институт в Харькове и стал хирургом.

К концу декабря 1944 года войска второго и третьего Украинских фронтов полностью замкнули окружение Будапештской группировки. Во избежание людских потерь, в целях предотвращения разрушения города, мостов, соединяющих две части города — Буду и Пешт, по приказу командующего армией с предложением о капитуляции в расположение окруженной со всех сторон группировки направлялись парламентарии. Дедушка возглавлял одну из групп. Он вспоминал, что испытывал странное ощущение: сдали оружие, документы, фотографии близких и другие личные вещи. Казалось, время остановилось. Принять условия капитуляции немцы отказались, и группа возвратилась в расположение части. Дедуля рассказывал, что, когда добрался до своих, буквально упали в траншею на руки своих товарищей. В дневнике появилась запись: «И день прошел как сон».

28 марта 1945 года появилась запись: «В 17 ч. овладели Комарно, прорвав оборону немцев на Братиславском направлении». А в апреле 1945 года в 1 ч. 30 мин. ночи снова форсировали р. Дунай в 6 км. западнее Комарно. Когда выдалась свободная минутка, он сделал запись: «Немец бежит, оставляет отряды для

прикрытия». В это же время еще одна запись в дневнике: «Войска 1-го Украинского фронта и англо-американские войска соединились в районе Торгау северо-западнее Дрездена». И наконец, 2 мая 1945 г.: «Войска 1-го Белорусского фронта штурмом овладели Берлином».

13 апреля 1945 года за участие в штурме и взятие Вены дедуля награжден медалью «За взятие Вены». В освобожденной столице Австрии он встречался с представителями союзных войск — американцами. Сохранилась небольшая фотография у памятника Йоганну Штраусу в Вене.

8 мая 1945 года короткая запись: «Идут последние бои за Чехословакию». В Чехословакии он был награжден еще одним орденом Отечественной войны II степени.

В нашей семье хранят открытки, которые дедуля посылал своей дочери, моей маме, особенно в 1945 году. Он постоянно пишет о долгожданной победе, которая обязательно придет, о скорой встрече. Вот передо мной открытка, датированная 13 марта 1945 г.: «Доченька, моя дорогая! Получил от тебя фотокартку. Ты теперь совсем большая девочка. Мама пишет, что ты все же ждешь меня домой. Уже скоро-скоро разобьем Гитлера-собаку, и я возвращусь к вам, мои дорогие. Будь счастлива моя доченька. Целую за меня мамочку. Целую тебя крепко. До свидания. Твой папа».

В родную Магнитку он вернулся в конце 1946 года в цех теплофикации, из которого уходил на фронт. 10 лет он руководил этим цехом, затем 20 лет — энергоцехом управления коммунального хозяйства ММК.

Я горжусь тем, что постановлением городского Собрания депутатов от 29.02.2000 г. центральной котельной нашего города присвоено имя моего дедушки, и на фасаде ее здания установлена мемориальная доска. Каждый год 9 мая мы посещаем это место, воздавая дань памяти и уважения нашему дедуле и всем ветеранам Великой Отечественной войны

ПОЛИНА ЗАХАРЧЕНКО,
внучка

> Лишь тот заслуживает памятника, кто в нем не нуждается